

РОКОВАЯ МИНА

Шахматное искусство - это умение читать чужие мысли.

Люк де Клапье Вовенарг

Обычные турниры никогда не приносили мне таких волнений и радости, как командные состязания.

Еще задолго до войны я играл в команде одного завода в Подмосковье. Мы добивались неплохих результатов. Наша команда была дружная, слаженная. Каждый болел не только за себя, но и за соседей по доскам. И ответственность за свою партию чувствовал куда большую, чем если бы играл сам за себя.

На первой доске играл мой друг, боксер, красавец, эрудит и жизнелюб Женя Загорянский, шахматный мастер, снискавший славу опасного рифа для шахматного корабля любого тоннажа и вооружения.

На второй доске играл наш математик, труднопробиваемый шахматист Семен Абрамович Коган. Он ставил солидные позиции и, несмотря на отменную гуманность и добродушие, беспощадно пользовался в игре приемами "душителя", оставляя противнику на доске очень мало "воздуха". Он обладал феноменальной памятью, поражая разносторонними знаниями. В детстве он "насквозь" прочитал малый энциклопедический словарь Павленко и... нечаянно запомнил его наизусть.

На третьей доске играл я, начинающий этюдист, не так давно выигравший первенство томских вузов.

Рядом со мной, на четвертой доске, играл техник завода Витя Егоров, прозванный "турком" за загадочную манеру выражаться. Он был молод, светловолос, напорист и противников не обыгрывал, а "обдувал". И делал это здорово!

На пятой доске играл тоже техник завода. Михаил Николаевич Платов. Помню, я был поражен, узнав, что этот тихий, невысокий и полный человек, уже в летах, был одним из братьев Платовых, признанных классиков шахматного этюда. Но, как ни странно, мы с ним,

встречаясь часто, почти не занимались этюдами. Он говорил, что отошел от этого, а может быть, ему не нравились мои этюды. Зато играть легкие партии он обожал. Но играл неважно. И даже на пятой доске не всегда мог защитить честь нашего завода.

И еще в нашей команде были две Оли. Одна из них, Сущинская, была шашисткой и блестяще разносила в шашки всех своих противников, впоследствии став чемпионкой СССР. Другая Оля, ясноглазая, с гладкой прической на прямой пробор и с классическим эллинским узлом волос на затылке, была украшением нашей команды.

Каюсь - ведь прошло столько лет! - мне доставляло особое удовольствие проигрывать ей легкие партии. Видя, как оживлялось ее лицо, я любовался ею и вновь расставлял фигуры.

Командные соревнования, о которых я вспоминаю, проводились летом в Центральном парке культуры имени Горького, в одном из его павильонов. Жара к вечеру спадала, и, пока противник думал, было приятно выскочить на аллею, подышать влажным от политых цветов воздухом, послушать шелест толпы, заглядеться на кого-нибудь из гуляющих или на пароходики, снующие по Москве-реке, или на парашютную вышку со спиральным подъемом, откуда, порой с визгом, спрыгивали в ту пору будущие бесстрашные рекордсмены.

Нашей команде во что бы то ни стало нужно было выиграть очередной матч. Не могу назвать нашего противника. Помню все детали схватки, а противника забыл.

Постепенно дело шло к концу. Загорянский легко выиграл у ошеломленного его мощью партнера, Семен Абрамович с присущей ему математической точностью повторением ходов сделал при всех фигурах почтенную тяжеловесную ничью с первокатегорником. Я продолжал борьбу, а мой сосед "турок" уже "обдул" своего "птенца с испуганным личиком на тоненькой шейке". Хуже обстояло на доске Михаила Николаевича Платова. Он проиграл, как это часто с ним случалось. И еще проиграла ясноглазая Оля с эллинской прической. О другой Оле и говорить не приходилось.

Она, конечно, уже выиграла у старичка шашиста, который не мог примириться с тем, что проиграл такой щупленькой девочке. И три шашки запертыми оказались! Стыд да и только!

Сдвинутые столы стояли рядами. Сражающихся было очень много, и стулья еле втиснулись. Позади меня, спиной ко мне, в команде консерватории сидел прославленный скрипач, любивший шахматы не меньше Филидора и Прокофьева.

В моей партии надвигался цейтнот, и я сидел, напряженно вглядываясь в позицию. На меня навалились мои соратники, увлеченные событиями, которые разворачивались на доске. Счет матча пока был 3 1/2 На 2 1/2 в нашу пользу. Мне уж никак нельзя было проигрывать. Достаточно было и ничьей. Но азарт увлек меня, - может быть, что краем глаза я видел за своим плечом эллинский узел на темной головке. Я хотел выиграть. И не как-нибудь, а красиво, достойно своих зрителей (или зрительницы!). Я задумал замысловатую комбинацию.

Азартная игра на моей доске привлекла к ней многих посторонних зрителей. Стало душно, пиджаки играющих висели на спинках стульев.

Я жертвовал фигуры одну за другой. Играя черными, выгнал белого короля на h3, но рассчитал неточно и заматовать его не смог. Пришлось хотя бы отыграть назад материал. Это удалось и даже с некоторой прибылью.

Когда я устроил на шахматной доске ураган, то почувствовал вокруг суматоху. Я нескромно подумал, что только подлинно чигоринской игрой можно привлечь такое внимание, но скоро понял, что я тут ни при чем.

Пока толпа зрителей сгрудилась у моей доски, кто-то умудрился отвинтить с лацкана пиджака орден "Знак Почета", которым вскоре после его учреждения был награжден знаменитый скрипач.

В ту пору, как и впоследствии во время войны, их носили не только в торжественных случаях. Колодок, заменяющих ордена, тогда еще не знали.

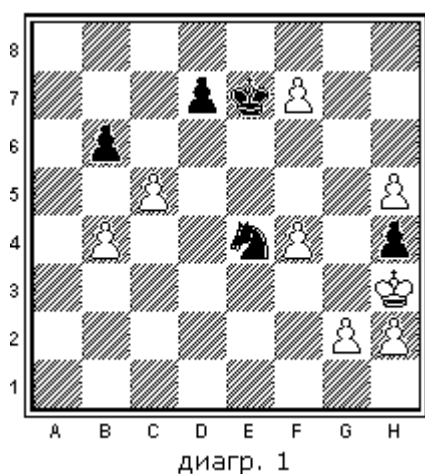
Нет слов, чтобы передать огорчение скрипача.

Я почувствовал себя неловко, будто был в чем-то виноват.

Все сочувствовали скрипачу. Он поспешно ушел заявить о пропаже.

А у меня на доске положение прояснилось. После пронесшейся бури можно было считать синяки и шишки. У меня оказался лишний конь, но у противника за него - целые четыре пешки.

Впрочем, по крайней мере две из них отыгрывались, хотя и моя одна гибла. Были шансы довести партию до победы.

А я так разволновался за скрипача, что не мог удержаться от жертвы коня на c5, а после взятия его пешкой b4 продвинул свою пешку на b5, получив проходную, которую, казалось бы, невозможно задержать (диагр. 1). **39... К : c5**
40. b : c5 b5

Я был уверен, что противник должен понять это и прекратить бесполезное сопротивление. Но это был на редкость упрямый и педантичный седоватый человек в старинных очках с металлической оправой (похожий на токарного мастера), с прокуренными усами и бугристым лицом, покрытым сейчас капельками пота от жары или от волнения.

Весь вечер он не поднялся со стула, играл упорно и молча, тяжело, будто бурлак тащил баржу на картине Репина.

Только раз к нему подошел капитан их команды и шепнул так, что я расслышал:

— Держитесь, с этюдистом играете.

Партнер сразу же поднял на меня внимательные глаза и долго пристально рассматривал, хотя был его ход. Я возликовал в душе от своей известности. Опубликовал всего несколько этюдов - вот уже и в Москве знают!

Мои соратники, Загорянский и Коган, похлопывали меня по плечу, а Оля-шахматистка нежно провела тыльной стороной ладони по моей щеке.

— Бифштекс, — загадочно сказал "турок".

Стрелка часов уже поднимала флажок, а противник все упрямо думал, хотя думать было не о чем.

Надо заметить, что наша команда в этом соревновании отвоевала право доигрывания партий вместо их присуждения. И вот теперь я должен был отдуваться. Следующий тур - завтра, - в воскресенье вечером, а мне приезжать сюда с утра для доигрывания! Я считал, что со стороны противника просто бессовестно так поступать со мной. Ведь он знал, что мы - из Подмосковья.

Флажок на его часах повис, но он успел сделать положенное число ходов и теперь раздумывал над своим сорок первым ходом, который должен был записать.

Судья, юноша с томным, не сбритым для солидности пушком над губой, торжественно взял от него конверт.

Все расходились и обсуждали кражу ордена. Улучив подходящий момент, я спросил, что думают мои товарищи об отложенной позиции.

Женя сказал, что правило квадрата надо знать всем. Он очень торопился - боюсь, что на свидание, - и нам с ним не удалось, как обычно, посмотреть позицию. Семен Абрамович пообещал разобраться в электричке, хотя "волноваться не о чем, разве что этюд вдруг обнаружится".

— Впрочем, вы сами этюдист, — закончил он без тени иронии.

— Играть надо, а не этюды консолидировать, — глубокомысленно изрек "турок".

В поезде Семен Абрамович уверил меня:

— Обычное пешечное окончание без сенсаций.

Михаил Николаевич Платов скромно молчал, но когда мы все шли по платформе милых наших Подлипок, он робко сказал:

— Рассчитанных вариантов привести не могу, но чутьем угадываю - здесь что-то есть. Вы посмотрите хорошенько. Как на конкурс этюдов.

— Так ведь король не попадает в квадрат, — стал доказывать я.

— А Рети? — многозначительно поднял палец Платов.

— Если полезет королем на g6, то я ферзя с шахом поставлю.

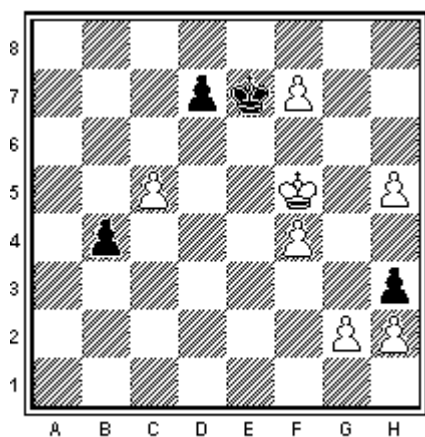
А лишний ферзь - это вещь, - храбрился я.

— Конечно, — согласился Платов.

— Астролябия, — заключил шедший рядом "турок".

Мне нужно было сворачивать, и мы распрощались.

Вот позиция, которую я расставил перед собой, придя домой

диагр. 2

(диагр. 2). Что могут сделать здесь белые? Спасти? Или... Впрочем, о чем еще можно тут говорить? Хотя Михаил Николаевич... Надо внимательно посмотреть.

Тут что-то есть...

И вдруг волосы зашевелились у меня на голове.

За ночь я установил ужасную для себя правду. Дурацкая жертва коня в суматохе, вызванной кражей ордена, была неправильной. Если бы я лучше владел собой, то медленно, но верно выиграл бы, что сделал бы на моем месте давящий гусеницами Семен Абрамович или тот же "турок", умеющий так ловко "обдуривать" в выигранных положениях. А теперь...

А теперь все зависело от того, сумел ли мой партнер в домашнем анализе найти этюдное окончание, которое не только спасало белых, но и приносило им "противоестественную" победу!

Проанализировав стихийно получившийся этюд, я заметил в нем подводные мины, которые можно было расставить на фарватере решения. И я задумал коварный удар, ловушку, которая поставит партнера в тупик, заставит его сделать напрашивающийся ход, спасающий меня!

Я утешал себя, что не может рядовой игрок, так робко проведший со мной всю партию, додуматься при домашнем анализе до всех найденных мной тонкостей, "доступных искушенному этюдисту, воспитанному на парадоксах".

Я с завистью смотрел из окна электрички на веселые ватаги счастливцев, для которых день отдыха наполнен смехом, солнцем и брызгами воды на пляже. А я ехал в ЦПКиО, как на Голгофу.

Я приехал туда раньше всех наших. Все надеялись на меня и на бесспорность моего выигрыша в отложенной партии. А Женя Загорянский, наш высший авторитет, конечно, был на своих любимых бегах.

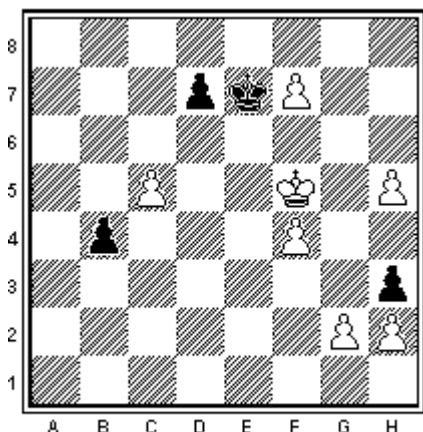
Михаил Николаевич Платов пришел, когда доигрывание уже началось. Появился и "турок", заметив, что погода "квакерская".

Не знаю, что он имел в виду, но меня, несмотря на жару, знобило.

Мой противник был мрачен. Это вселяло в меня надежду.

Равнодушный судья, косясь на парашютную вышку, вскрыл конверт и пустил часы.

Партнер сделал записанный ход - **41. Kpg4**. Ну конечно! Что еще другое мог он записать? Я быстро ответил **41... b4**. Противник грустно посмотрел на меня, вздохнул и переставил короля, словно непременно хотел играть до мата: **42. Kpf5**. С напускной непринужденностью я ответил довольно быстро **42... h3!** Это и была заготовленная мной мина! (диагр. 3).

диагр. 3

Партнер удивленно уставился на меня и задумался.

Я отошел от доски, демонстрируя полнейшее равнодушие и к ней, и к задаче, которую задал "шахматному бурлаку". "Турок", проходя мимо меня, буркнул:

— Идиосинкразия.

Только позже и догадался, на что он намекал некоторым фонетическим сходством

своего изречения с более обычным словом.

Михаил Николаевич Платов обменялся со мной понимающим взглядом. Игра возобновилась, и он уже не имел права вмешиваться, разбирать позицию, подсказывать. В наших командных баталиях это правило соблюдалось свято. Он не мог поделиться сейчас своим домашним анализом, если даже и сделал его.

Пятьдесят минут думал над ходом мой озадаченный партнер.

Я загнал его в нежданный цейтнот. Приближалось время нового контроля, а ему на пять минут оставалось восемнадцать ходов.

"Турок" подмигнул мне:

— Кто не думает, тот не ест... ни коней, ни пешек.

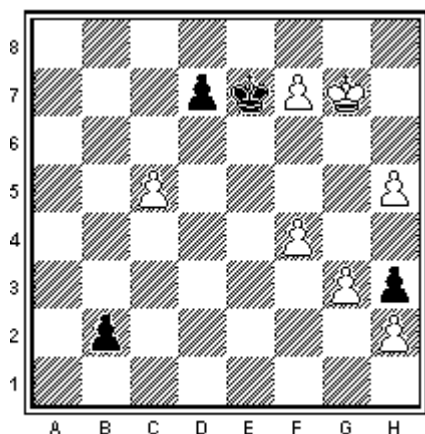
За эти пятьдесят пять минут я несколько раз садился за стол и, как кобра, впивался глазами в партнера, внушая ему, чтобы он сделал естественный ход g4! Тогда бы он "подорвался" на заготовленной мной мине. Но он сыграл **43. g3!** И я похолодел, глазам своим не веря.

Почему он так сделал? Из тупой бездумной осторожности или... видя конечную губительную для меня позицию?

Сам дрожа, я не хотел дать ему опомниться. Вся надежда была на непринужденность, капабланковскую легкость. Я даже старался улыбнуться, как великий кубинец, которым я любовался на московском международном турнире. Боюсь, что улыбка моя больше походила на шпильмановскую после его ничьей с Верой Менчик. Я знал, чем может теперь все кончиться (похуже, чем у Шпильмана!). Но знал ли об этом мой противник? Шахматное искусство - это умение читать чужие мысли. Может быть, в этом прелесть шахмат?

Итак, надо было сделать ход. Конечно, не брать пешку f7, в этом случае белый король входил в квадрат и задерживал пешку. И потому я с надеждой взглянул на милый, уже поднимающийся флажок на часах противника. Как под горку, покатались ферзи: **43... b3.** Единственное, чего я достиг, - это заставил партнера играть "блиц". Но он, обладая стальными канатами вместо нервов, и в прокуренный свой ус не дул, продолжая играть неторопливо, сколько ни внушал я ему змеиным

взглядом, что флажок его поднимается. А еще осталось семнадцать ходов! Кстати, семнадцать ли? **44. Kpg6**. Ну конечно, теперь он готовит мне детскую ловушку. Не пойду же я **44... b2**, чтобы он сыграл **45. Kpg7** и выиграл! (диагр. 4).

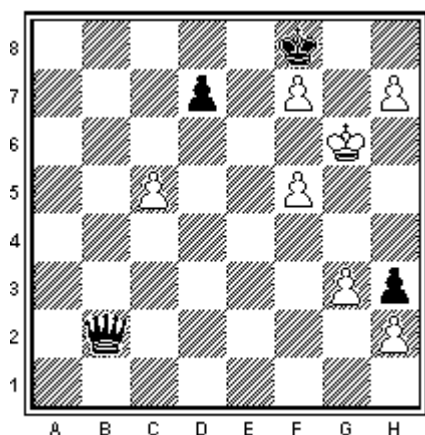
диагр. 4

Выдавив из себя банальное "У нас успеется", я небрежно сыграл **44... Kpf8**. Последовало **45. h6**.

Стоявший надо мною "турок" пожал плечами и бросил:

— Стрекотанье.

И все, кто был рядом, увидели, что я раньше ставлю ферзя, притом с шахом, как я вчера говорил Платову на платформе. Мне оставалось только продемонстрировать это: **45... b2 46. h7 b1=Ф+ 47. f5 Фb2**. А что еще оставалось мне делать? (диагр. 5).

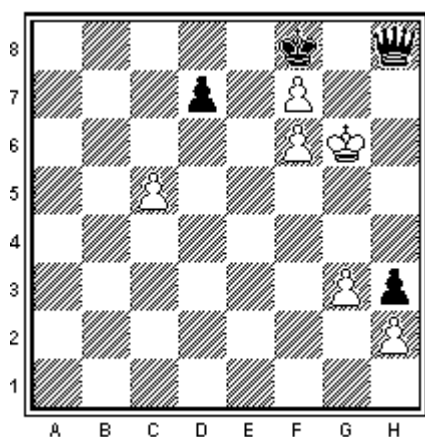

диагр. 5

Для непосвященных зрителей на доске был лишний черный ферзь, и этим, казалось, определялось все, но... Я-то знал, чем это может кончиться! Но беда моя была в том, что это знал не только я, но и мой противник!

Я с вожделением смотрел на флажок его часов, ожидая его падения и своего торжества. Он уже почти падал!

48. h8=Ф+! Так вот где таилась погибель моя! Вот она, западня, волчья яма, уготовленная моему великолепному ферзю! Но как мог найти этот убийственный ход столь медлительный и скучный человек?! Почему не сделал он опять естественный и спасительный для меня ход **48. f6**? Тогда бы мой великолепный новорожденный ферзь ожил бы! Но теперь, увы, он, как тигр,

диагр. 6

провалившийся в глубокую яму, может лишь с рычанием бросаться на отвесные стены. **48... ♕ : h8 49. f6!** - клетка захлопнулась. (диагр. 6).

Он все видел, все знал! Теперь выясняется, почему он так дальновидно пошел пешкой на g3, а не на g4, как я ему тщетно внушал! Подорвись он на этой уготовленной ему мине, и мой ферзь вырвался бы уже лютым тигром через поле h4. А сейчас остается последняя надежда: **49... d5**. "Ну возьми же на проходе! Возьми!" - мысленно умолял я. Тогда заключительная эффектная жертва ферзя на f6 принесет мне желанный пат!

Партнер опять невозмутимо задумался. Случись это сейчас, я страшился бы инфаркта или инсульта, но тогда я только молодо подскакивал на стуле, словно всадник в Булонском лесу. Флажок! Флажок! Может быть, он свалится от моих жокейских упражнений?..

Противник сделал ход **50. c6!** И я кладу короля носом вперед на плаху и пожимаю "шахматному бурлаку" руку. Блестяще вытянул меня... на мель!

Покосившись на часы, я заметил, что флажок его упал. Но я ничего не сказал судье, отбиравшему у нас подписанные бланки с записью партии.

Мой партнер оживился, стал просто неузнаваемым, помолодел и оказался совсем нескучным.

Он быстро расставил на доске отложенную позицию.

— Скажите, зачем вы сыграли на сорок третьем ходу h3?

— Это была моя заготовка, "коварная мина", — признался я. — Я думал, вы ошибетесь.

— Вот видите, какая психологическая игра шахматы! Вы не учли, до чего же я боялся играть с этюдистом! Ведь я уже хотел сдать партию и только ждал вашего хода пешкой на b3, чтобы сложить оружие, а вы вдруг поставили меня в тупик, заставили еще раз подумать.

— Как? Вы не нашли этого выигрыша при домашнем анализе?

— Конечно, нет! У меня и в мыслях не было, что здесь можно выиграть. Я даже отчаянно ругал себя, что испортил вам воскресенье

дурацким доигрыванием. Психологически я был уже уничтожен вашей смелой жертвой коня на с5. Только скверный мой характер и привычка все доводить до конца заставили меня делать ходы. Но когда вы в бесспорно для себя выигранном положении вдруг сделали "этюдный ход", я решил, что этюдисту виднее. Должно быть, тут что-то есть.

— И задумались на пятьдесят пять минут?

— Поверьте, я не пожалел бы, если б флажок упал, — настолько увлекло меня решение "этюда". Но я не мастак решать этюды, потому так долго и думал. Но теперь, пожалуй, могу к ним пристраститься. Я реагировал на ваш странный ход прежде всего не шахматным, а психологическим анализом. Я ведь психолог по специальности. Почему знаменитый этюдист после домашнего анализа столь странный делает ход? Не провокация ли это?

Став в ваше положение молодого человека, я решил, что сам на вашем месте поступил бы именно так. Значит, великий этюдист видит в позиции больше, нежели я, рядовой шахматист. Вы мне подсказали, что надобно искать решение! Ну, а ежели оно есть - а в это я поверил после вашего странного хода h3, - то его все-таки можно найти, затратив пятьдесят пять минут или больше. Для меня огромная честь выиграть партию у человека, чье произведение с восхищением отметил сам Владимир Ильич Ленин.

— Что? Что? — ошарашенный, переспросил я.

— Для меня большая честь выиграть партию у всемирно известного этюдиста Платова.

— Дрездемона! — сказал "турок", слышавший наш разговор.

Я молча подозвал юношу судью с черным пушком над губой и попросил его вернуть отобранные бланки нашей записи. Ничего не понимая, он вернул их мне, а я протянул бланки партнеру.

— Исправьте, пожалуйста, я указал я на его бланк и назвал свою фамилию.

— И познакомьтесь, пожалуйста, с Михаилом Николаевичем Платовым, — и я оглянулся на стоявшего рядом с "турком" своего болельщика.

— Вот как? — удивился партнер, протирая очки. — А я слышал, что в вашей команде играет сам Платов, и когда мне шепнули, что против меня сидит этюдист, я и решил, что это он и есть.

— Я тоже проиграл, — с улыбкой признался Михаил Николаевич.

— А я только еще ползаю, — сказал я, смотря снизу вверх на Платова.

— Ну нет! Тут вы взлетели, — запротестовал партнер. — Я вам благодарен за радость, которую получил, решив этюд.

— Значит, я сам виноват в собственном проигрыше? — печально подвел я итог. — Моя мина оказалась не коварной, а роковой.

— Играть надо, а не в этюды играть, h3! Идиосинкразия!

И тут я понял, что хотел выразить "турок", когда мы шли с ним после моего блистательного поражения обедать в один из павильонов парка.

Михаил Николаевич Платов утешил меня:

— А все-таки хорошо, что вы так сыграли! Этюд сделаете.

Я совсем не так делаю этюды. Я начинаю всегда с конечной позиции, как с вершины пирамиды. Словом, дом начинаю строить с крыши, а потом приделываю к ней все расширяющиеся этажи вариантов. Этот этюд единственный, родившийся у меня в процессе игры, в весьма драматической обстановке кражи ордена у знаменитого скрипача. Может быть, потому я долго не возвращался к этой отложенной партии и совсем забыл ее.

Но однажды, возвращаясь из Ленинграда, я попал в одно купе в "Красной стреле" с сыном великого скрипача, тоже знаменитым скрипачем. Мы оказались с ним взаимными поклонниками.

Я рассказал ему всю эту историю: как проиграл партию, как был свидетелем и даже чуть ли не виновником утраты его отцом ордена и как утешился на одном из военных концертов, увидев на лацкане фрака

замечательного музыканта тот же орден, оказывается восстановленный специальным решением. И я признался попутчику, что забыл игранную тогда партию. Он очень просил меня вспомнить ее. Мне пришлось восстановить все по идее, начиная с крыши. И я посвящаю получившееся произведение памяти замечательного скрипача и шахматиста Давида Ойстраха.